

«Но на поле боя должен, должен ты побыть хоть раз»

Александр Яшин ушел добровольцем на Великую Отечественную войну сразу после окончания Литературного института и, побывав на трех фронтах, написал книгу стихов «Земля богатырей». Многие из них он включал потом в свои сборники. Жители нашей страны и в годы войны, и в мирное время должны быть защитниками ее от видимых и невидимых врагов — так считал поэт. В 1943 г. Яшин написал стихотворение «Поле боя», в котором нарисовал картины мирного хлебного поля и поля боя. Он говорил: так же, как гнали с родной земли врага, по пяди освобождая территорию, так каждый должен вести сражение в самом себе за чистоту души от всего наносного — «Мне бы чистоту души сохранить. Душу чистую сохранить» — записывает он. «Зрение души удивительно... берегите душу... в которой царит... желание добра и правды»

«Поле боя» — так хотел назвать уже в мирное время А. Яшин одну из своих книг. Так представлял он в литературе свое место писателя-борца, война, полем боя считал он в жизни нашего общества литературу. Всем своим творчеством писатель участвовал в подготовке событий сегодняшнего времени. Поэт, прозаик, он переходил на тот жанр литературы, который казался ему наиболее целесообразным, важным в данный момент, становился очеркистом, публицистом. Какие бы ни были времена в стране — подвела ли, войны, застоя, мира, перестройки, — если писатель «не сбивый с толку славы и наградами, не миновник, а человек, думающий и страдающий, он пропустит волны поэзии через свою судьбу, свою душу». И Яшин прямо обращается к своей душе: «...будь хорошим приемником, чутким, многодиапазонным, всеволновым, как двадцатый век, — приглуше-

на одна волна, переходя на другую...»

Не представляя себя вне общественной жизни, Яшин в начале войны пишет: «Лучше дежурить опять по трое суток подряд, но не быть в стороне от политической, от большой жизни». После войны он снова на «передовой»: поездки на целину, на Волго-Дон. Он служил стране тогда так, как его учили, как он понимал. Наступив «на горло собственной песне», он пишет стихи по заказу, назвав их через много лет в горьком раскаянии «приказчищи», чувствуя, что талант его в них не мог уместиться. А в начатой им еще в 1947 г. книге «Золотые слова» оставались строчки:

«Правда звонит: Напиши, поэт,
Чтоб в каждом слове слеза
дрожила.

А у поэта слов нет,
Дайте выплакаться
сначала.»

Всю жизнь учился поэт принимать правду. Стихотворение «Показуха» 1956 года имеет другое название: «Слезы из глаз». Со слезами в сердце поэт говорит о том, какими бы ему хотелось видеть колхозы и каких он не видел.

Переломными для Яшина были 50-е годы. Об ответственности за прошлое, за свою слепую доверчивость он прямо сказал в четверостишии:

«За все отвечать настала пора:

За то, что когда-то я промолчал,

За то, что кричал во весь рот «ура»,

А «караул» не кричал.»

В эти же годы он пишет: «Литературные вопросы нельзя решать вне связи с жизнью народа. Не от книг надо идти». В другой статье делает про-

● Александр Яшин в родной деревне Блудново на Вологодчине.

сты, но крайне важные выводы о «связи жизни и литературы»: «Поэзия вне времени не существует. И почва у поэзии и у жизни одна, и одним плугом она пахнется». Он напоминает, что «отечество», «верность», «братство», «совесть», «честь» — не просто слова.

Трудно переживались им годы откровений о культуре личности, годы прозрения. В 1956 г. он размышляет: «Дело не в том даже, что мы много писали о Сталине, а в том, что мы о многом не могли писать».

Разбивая у себя дома гипсовую фигурку Сталина, писатель уничтожал не просто его изображение, а идолопоклонство в себе. «Я пережил страшное — не писал. Я жил, но разве это жизнь? — вырываются у него отчаянные слова. И писатель переходит на «другую волну», говоря, что «у писателей, как у колхозников, выходных дней не бывает!»

Помимо дневников, которые он вел с детства, Яшин создал рукописную книгу «Золотые слова». В ней он записывал сю-

жеты, темы, маленькие рассказы, раздумья. Ниже публикуются отрывки из «Золотых слов».

Пережив несправедливые гонения за свои произведения, критику, которую он сравнивал с градом, побивающим выращенный людьми хлеб, Яшин размышлял: «Если бы предположить, что выступления писателей, знающих деревню, принимались, как сигналы, многое плохое можно было бы остановить раньше... Писать правду. Говорить правду, но говорить

ее можно по-разному. Доверие к писателю. Не подозревать в нарочитом желании очернять».

Многое обрушивается на духовно прозревшего человека: «Бездумие прошло. Все труднее жить». Его произведения были именно сигналами, предупреждениями...

Душа каждого человека должна быть полем боя, очищая от всякой скверны. В этом ей должна помогать литература. Так понимал творчество Александр Яшин.

ДВЕ СОБАКИ

Две собаки с ожесточенным, злобным лаем несутся вдоль ограды, забора — с одной и с другой стороны, изображая драку. А отверстие есть, и большое, но ни та, ни другая не замечают его, делают вид, что не замечают. Шенек высунулся в это отверстие в заборе и удивленно смотрел на собак: почему же они не хотят подражаться всерьез? 1956 г.

О ЧЕСТИ ПИСАТЕЛЯ

Нет-нет да и начинают разные озлобленные жучки и подонки кампанию травли литераторов. И травят, пока их не одернут. Грубые фельетоны, с намеками, с оскорблениями; оскорбительные статьи — «Халуга», «Во сне и наяву». И защититься невозможно.

Критика подменяется простой бранью либо простым оскорблением без аргументации: «Пытался оклеветать...», «Напечатал малоудачные и идейно-порочные...» А в «Комсомольской правде» некий «Н» дошел до того, что от имени читателей стал заранее поносить книги, которые еще из печати не вышли... и что читатели якобы не хотят их покупать. 1956 г.

НАЧАЛЬНИК

А. Г. снят с работы в Сталинграде, и вот он стал начальником главка в Москве. Приезжий долго добивался к нему на прием, и вдруг видит перед собой товарища по институту Сашку — приятного, но не одаренного, покладистого, но беспринципного, без морали — и расхохотался: — Вот кто у нас в министерства идет. 1956 г.

НЕЙТРАЛЬНАЯ ТЕМА

За столом компания. Люди разных профессий. О чем бы ни говорили — все сводится к беспорядкам: опи хозяева жизни. Жена старается навести разговор на нейтральную тему: тропки, березки, погода, дети. Ее разговор поддерживают, но в любой теме переходят на то же самое.

— Тропинка? Помнишь, путешествовали? Он начинает говорить с возмущением о не проезжих дорогах, усталых обломками машин. Лес — вырубает без толку. Урожай — уборка руками горожан, солома на полях.

Пережитки капитализма в сознании — а разрыв материальной обеспеченности разных слоев народа не пережитки капитализма? Захребетничество, воровство...

И так далее. Нейтральных тем нет... И это не брюзжание, это хозяйский подход к жизни. 1957 г.

ВОЛЬНАЯ

Кузнец колхоза работал неохотно, добился, что ушел из колхоза. Он долго искал места в жизни. Наконец, получив паспорт, стал работать в своем же колхозе и делал для колхоза больше, чем раньше, и сам жил лучше. Работал он по найму производительно. А, может быть, не по найму, а тоже на трудодни, но у него было ощущение свободы.

— Я от вас в любой час уйти могу. Но куда не уходишь и не мог уйти, он любил родное село, родную землю. Это рассказ о том, что раскрепощенный человек работает в полную силу. 1957 г.

ПОЛОЖЕНИЕ ОБЯЗЫВАЕТ

Человек выступает с подлой статьей или речью против друга, с которым у него не было расхождений раньше, но сейчас требуется отмежеваться, и он кривит душой.

Так поступают свои совестью, предадут друг друга, важничают, меняют скромный образ жизни, потому что «положение обязывает». 1957 г.

Хороши были первые речи Никиты Сергеевича (Хрущева. — Н. Я.), задорные, многооб-

щающие — о сокращении аппарата, о переводе на периферию многих министерств, институтов, главков. Рыбные — к рыбе, к морю, хлопковые — к хлопку и т. д. А ведь ничего не сделано. Речи остались речами...

Когда были сказаны первые хорошие слова о необходимости сокращения управленческого аппарата, об уничтожении параллельно действующих учреждений, председатель райисполкома испугался: — Неужели и нас сократят, один райком останется? На него цыкнули:

— Говори, да знай меру. Молод и мал еще, чтобы плевать в свой колодез. Пока помалкивай, а там видно будет, как дело обернется.

Предлика получил партийный выговор за прожектерство. 1957 г.

За Правдой пошли все. И она победила. Теперь все оказалось в ее руках: земля и воды, банки и фабрики, дворцы и курорты.

И Правда забыла о бедности. Сорок лет и сорок зим она только то и делает, что празднует свою победу. От сытой жизни, от частых банкетов она раздобрела, разбухла и уже перестала ходить пешком, а ездит только на красивых машинах.

Живот у Правды стал непомерно большим, как у Кривды, щеки одрябли, заспаные, завидные глаза залпыли жиром. И все, кто раньше шел за ней, теперь недоуменно спрашивают друг у друга:

— Что же с ней такое случилось? И уж Правда ли это? 1958 г.

Предприимчивый человек сказал своим соратникам:

— Я буду вводить новшества, а вы одобряйте, приветствуйте.

— Как — конкретно?

— Через печать, стенгазеты, в речах... Речей побольше, мылбе, речей!

И они стали править.

Не успевал первый выдумать и ввести что-то новое, как все остальные начинали восхвалять новые начинания и вопить на все лады об огромном экономическом и прочем эффекте от претворения в жизнь указаний... Мол, результаты уже налицо!

Люди мучились от этих перестроек, нововведений и молчали в тряпочку.

Но когда уже всем становилось ясно, что дальше так нельзя, что все горит, агитация и пропаганда переключались и глухо заявляли, что это новое сыграло свою роль, и уже стало старым или изжило себя.

Все отменяли. И приступали к претворению новых указаний. 1958 г.

Списать по акту — это одно из бедствий экономической системы. Дома и все хозяйство на Сладком острове, конечно, спишут по акту. Огромные в торговле хищения возможны благодаря тому, что все исчезнувшее, разбитое, сгнившее (продукты) разрешается списывать. Падеж скота списывают... Заморенный в пути скот идет на мясо половинным весом.

Неужели и эти мои горестные записки «списывают по акту»? 1960 г.

Врач добился чего-то, что-то открыл, написал научную работу. Его выдвигают по партийным и государственным линиям, и он перестает работать. Потом он не угождает в чем-то, его отовсюду изгоняют, и он опять начинает заниматься научной работой и опять добивается успехов. Тогда его снова поднимают вверх, и опять он лишается возможности работать.

И это может происходить с человеком любой профессии. 1961 г.

БОЛЬШАЯ ДОРОГА

— Если б не большак — когда бы мы в люди вышли! А тут сразу: чайная, Дом культу-

ры, кино что ни вечер. Шофера на постой просят — заработок.

Провели шоссе, и глухая деревня оказалась в центре жизни. Давят кур, гусей — только перья летят. Гуляют, пылят грузовики. Цветы под окнами в пыли... 1963 г.

ГОРЯЧО, ГОРЯЧО!

С женой разговариваем о том, что повидали в родных местах.

— Не написать ли об этом?

— Холодно, холодно — говорит вдруг жена.

— Не понимаю.

— Разве ты забыл о детской игре: мальчонка ищет вещь, спрятанную без него. Все смотрят, кричат, когда далеко: «Холодно! Мороз! Полночь!» Мальчонка поворачивается обратно. Ему кричат: «Уже теплее! Горячо! Горячо!» Потом орут: «Обожжешься!» Так и с тобой. Поищи материал поинтересней, поближе к жизни.

Я начинаю рассказывать о другом.

— Горячо, горячо! — поддерживает жена. — Давай, давай. — И вдруг: — Вот об этом пиши. Обожжешься!

Я написал, напечатал и обжегся. 1963 г.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Начало: лесной водит по лесу.

Земля — животноводство — удобрения — урожай.

В личных отношениях тот же заколдованный круг.

Это все — в виде сказки:

Был монастырь. Была красивая веселая жизнь, малиновый звон, престольные праздники и гуляния. Сбитены. Стены вырастали прямо из воды. Въезжали в сказку по озеру на лодках, усталых домочадцами половниками и коврами. Деревни кругом процветали.

Налетели злые силы, превратили остров в тюрьму: будки с пулеметами, колючая проволока поверху стены. Купола снесены.

Деревни вокруг захрилели. В одной осталась только «баба-яга». Карлики — деревня, но все люди в ней слухать где-то, значит, и деревни уже нет. Крестьяне облеживают лагерь — это их новое дело в жизни. Опилками засыпали трясину. Все превратили в трясину. Рыба дохнет.

Но вот злые силы рухнули, и остров освобожден. Что от него осталось, — красоты никакой. И никто не знал, как вернуть старую жизнь острову, для каких надобностей его приспособить.

Кролики дохнут. Куры тоже. Птицы от острова улетают, звери с него бегут — от каждого камня кровью пахнет. Свиноярник открыли — свины погибли в трясине, закиданной опилками. Остались собачники, колючая проволока, а не шипы, даже на кустах шиповника.

Люди, бывшие крестьяне, остались без работы: надзиратели, сторожа. Собак распустили, они прижились в деревне, но народ не мог собираться в толпы, в праздничные колонны — они немедленно становились лагерными псами.

И на пустынной острове злые силы вернулись снова. Больше им никто уже не мешал, никто не сопротивлялся им, — даже странно это для них было и обидно. Казалось, исчезли причины кидаться на людей.

Но скоро они привыкли это делать и без причин, без поводов. 1965 г.

О ЧЕРНОЙ БАНЕ

А черная баня — чем она плоха?

Жару в ней — сухого, вольного — хватает на весь долгий зимний вечер, на всю большую семью, а то и на две. Правда, вместо печки в ней камешка без трубы, и дымом, и чадом прокопчены не только потолок и стены, но даже пол, и табуретки, и скамьи. И вода греется не в котле, а в деревянных бочках и ушатах при помощи раскаленных камней. Но чем такая вода хуже воды из котла? Нагревается она тоже до кипения. И если перед мытьем вытаскать из воды все камни и дать ей отстояться, то такая же она станет чистой и мягкой, а может, и еще лучше.

Разговор с матерью: — Баню-то замкнула?

— Неужто я забыла перекрестить? — и она вместо пелти или замка широко и старательно перекрестила дверь бани.

— Ну теперь пойдем, благословясь. 1965 г.

СОСЕД

Ко мне изо дня в день приходит сосед, не стучась открывает дверь, кряхтя опускается на ланку либо поближе к столу, если на столе самовар или обед, либо у порога, когда хочет покурить и сидит по часу-два. Почти всегда говорит ему не о чем.

— Подумать только, вот, к примеру, рыба — тоже живое существо, вынешь из воды, она и умирает. Скажи, пожалуйста, — природ!

Он может молчать подолгу, либо если и говорит, то не часто, но много. Просто потому, что ему не о чем говорить.

— Вымылся?

— Хорошо вымылся.

— А с венником?

— С венником.

— Я всю жизнь венника на себя не поднимал.

— Нет, я с венником люблю.

— А жена у меня, Марья, тоже с венником любит. Так себя выхощет, что хоть «скорую помощь» вызывай.

Про все новое прежде всего спрашивает:

— Сколько стоит-то транзистор? Ну и деньги нынче пошли, хитрый! А лыжи сколько?

— Восемь рублей!

— Восемь рублей! — удивляется он. — За что? Где их возьмешь — восемь рублей!

— Хотя покупает пол-литра за 3 рубля, а иногда сразу два за 6 рублей и не жалуется, что дорого. Водка — это неизбежность, от нее куда не скроешься..

Я хвалю пейзаж:

— Взгляните-ка сюда, вот мимо стогов, мимо сена.

— Ну? Как же уж тут стога, больше снегу, чем сена.

— А красиво?

— Ничего, баско, будто на картинке. 1966 г.

ДЛЯ СЪЕЗДА

Литературное дело — не биржевая игра. Соображения хонъюнктуры, спекуляция темой, именем своим, подыгрывание не всегда умным пожеланиям начальников могут привести лишь к временному материальному благополучию, но сама русская литература здесь ни при чем.

Пора вспомнить, что мы всерьез являемся продолжателями лучших традиций великой русской литературы, той литературы, которая называлась совестью народа, с которой считались все: слабые и сильные мира сего, на которую с надеждой взирали униженные и оскорбленные, к которой прислушивался весь читающий мир.

О чем выступать на таком важном съезде, за что ратовать, против чего ополчиться. Литературная борьба. Каковы ее корни у нас? Не слишком ли мы много едим друг друга, именуя это литературной борьбой?

Подготовка писателя — дело общественное. На это уходит у государства, у партии много сил и даже средств. А заблудить писателя — дело весьма несложное. Стоит ему «отбить печенки» — и дело с концом.

«Бороться» проще, чем писать талантливо. Если для этого и требуется талант, то особого рода. Этого не писательский талант. Есть люди, которые существуют в литературе лишь благодаря тому, что периодически кого-нибудь изничтожают, свергают и как бы даже «разоблачают». А из-за них очень много по-настоящему талантливых людей надолго и часто выходят из строя.

Что выиграло наше государство от того, что некая литературная среда все время боролась с Пастернаком или, скажем, с Андреем Платоновым? Прошло немного времени, и уже появляется сомнение в правильности и в справедливости содеянного в отношении этих и многих других замечательных художников слова.

Писать надо. Гений — это труд, наконец — это и количество. 1965 г.

Предисловие и публикация Наталии ЯШИНОЙ.